

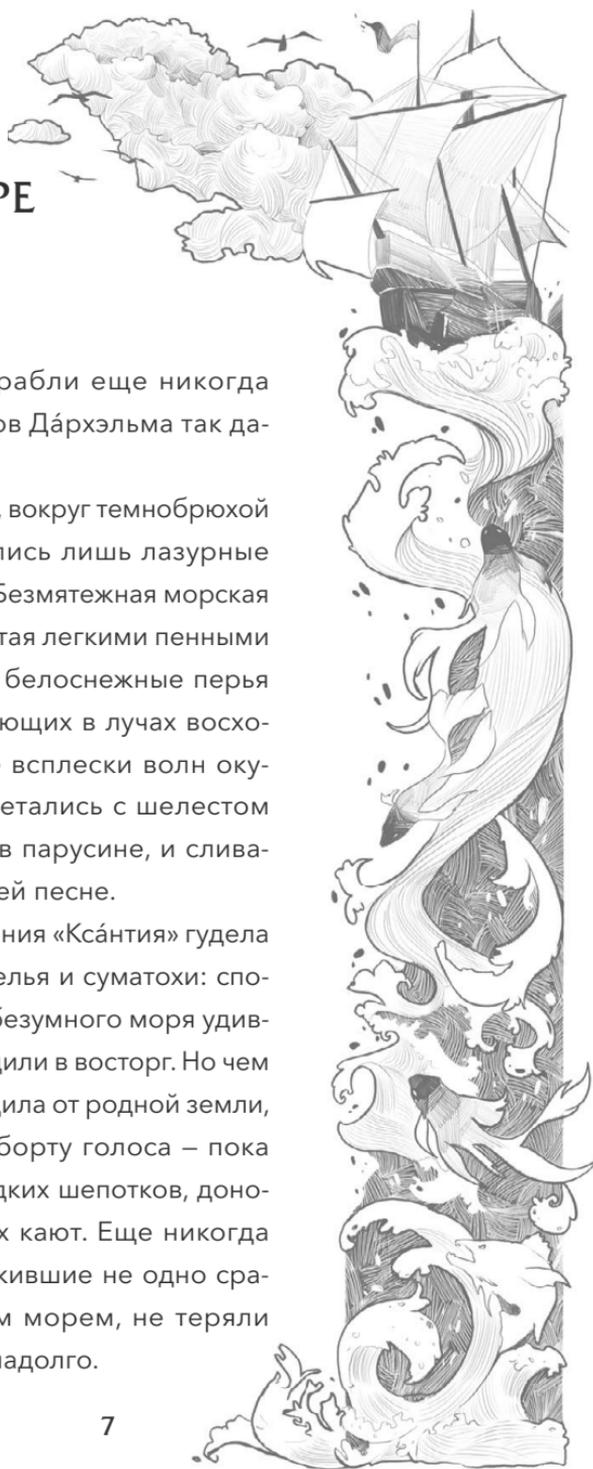
*Остерегайся зверя, вышедшего из чащи.
Ибо иссушит он твою кровь, поглотит душу
и под похищенным ликом придет
за твоими детьми.*

СПЯЩЕЕ МОРЕ

На памяти людей корабли еще никогда не отходили от берегов Дáрхэ́льма так далеко.

Покуда хватало глаз, вокруг темнобрюхой каравеллы простирались лишь лазурные воды уснувшего моря. Безмятежная морская гладь, кое-где подернутая легкими пенными барашками, отражала белоснежные перья облаков, медленно тающих в лучах восходящего солнца. Тихие всплески волн окутывали судно, переплетались с шелестом ветра, запутавшегося в парусине, и сливались в умиротворяющей песне.

В первые дни плавания «Ксáнтия» гудела от возбужденного веселья и суматохи: спокойные воды некогда безумного моря удивляли, радовали, приводили в восторг. Но чем дальше каравелла уходила от родной земли, тем тише звучали на борту голоса – пока вовсе не сошли до редких шепотков, доносящихся из последних кают. Еще никогда бравые моряки, пережившие не одно сражение с Беспокойным морем, не теряли Дархэльм из виду так надолго.

Тревога нарастала с каждым новым рассветом – гнула спины мужчин в ожидании неведомой опасности, прокладывала глубокие морщины на раскрасневшихся от солнца хмурых лбах. Страх перед ленивым, казалось, обманчиво безмятежным шелестом волн пустил глубокие корни, опутавшие судно от носа до кормы удушающей сетью. Сердца моряков едва бились в предчувствии рокового часа, когда смертоносные воды очнутся ото сна, вскипят, вздыбятся черными волнами и сомкнутся тисками над каравеллой, перемалывая судно в мелкие щепки.

Отрывистая команда капитана прорезала напряженную тишину, с треском прокатившись по палубе, как оброненное пушечное ядро, и заставила матросов вздрогнуть.

Неподвижным остался лишь Сказочник, в задумчивости застывший у фальшборта. Ранние солнечные лучи путались в его русых волосах, искрились на позолоте обода, венчавшего лоб, отражались в таких же золотых глазах – на судне не было нужды прятать их цвет за стремительно угасающей магией Слез.

В Дархэльме златоглазых лиирит не любили. Не за зло, которого они никогда не причиняли, а за тайны, которые они соткали вокруг своего рода, облачаясь в них, словно в доспехи. Обычных людей это страшило, и свое невежество они стремились скрыть за выдумкой – самой мрачной и пугающей, на которую только способна человеческая фантазия.

Но на каравелле никому не было дела до лиирит. Никто не шептался за спиной, не смотрел с подозрением, не рисовал в воздухе обережных знаков за спиной Сказочника.

Моряки с «Ксантии» слагали о лиирит иные истории – захватывающие, удивительно пылкие, до абсурдности героические: на них в своей молодости вдохновил команду капитан, сейчас вновь вставший у штурвала.

Капитан никогда не прятал своих глаз. Молва о нем тихими опасливыми шепотками пронизывала весь Дархэльм,

проникала в теплые дома сквозь щели в окнах, оседала у желтоватого пламени свечей, при которых люди слагали и повторяли невообразимые истории о первом и единственном лиирит, вошедшем в императорское окружение. Теперь же толки о нем зазвучат громче. Люди будут гадать, что заставило графа бросить все свои богатства, заколотить окна замка у подножия Пика и спустя многие годы забыть о болезненной потере и вновь вывести «Ксантию» в море.

Сказочник намеревался узнать его историю первым.

Он потянулся, захрустев ноющими от возраста позвонками: парящие возле плеч протезы, заменяющие давно потерянные руки, страдальчески заскрипели – морской воздух не шел им на пользу.

У входа в капитанскую каюту он заметил девушку: сидя на связанных сетью ящиках, она увлеченно чертила в блокноте. Ее хрупкие плечи накрывал синий плащ, и Сказочник с удивлением признал в ткани ведьмовской шелк, но ему еще не доводилось видеть, чтобы эрчйн так сильно истрепался. Обломок карандаша медленно скользил по рыхлой желтоватой бумаге – девушка не отвела от него сосредоточенного взгляда, даже когда тень Сказочника заслонила солнце.

– Я помню тебя, – нерешительно произнес он. – Однажды ты попросила рассказать историю о волках на земле, где я не мог о них говорить. Ты все еще хочешь ее услышать?

Бледная рука замерла, не завершив извилистую линию, едва заметно вздрогнула от напряжения – и мягкий стержень карандаша беззвучно треснул, оставив темное пятно на листе и осыпав его серой крошкой.

– Я уже наслушалась историй, – голос девушки звучал слабо, будто каждое слово давалось ей с большим трудом.

Она смахнула грифельные обломки с листа и потеряла пятно пальцем, размазывая его еще сильнее – рисунок был

безнадёжно испорчен. Сказочник не хотел досаждать и уже собирался уйти, но девушка заговорила вновь:

– Я больше не хочу слушать чужие истории, но могу рассказать свою.

Губы Сказочника растянулись в доброжелательной улыбке.

– И о чем же она будет?

– О мертвом городе, выгоревшем на картах, и его бессмертном страже. О проклятых, запертых в звериных шкурах, и тех, кто скрывался на дальних берегах. О живых безмолвных Болотах. О голодных Тенях, жадных до мучительных воспоминаний. О легендах, которые оставили ушедшие боги в памяти ведьм. О волках. Совсем немного – о драконах. И... – Девушка посмотрела на Сказочника, и от взгляда ее печальных глаз – зеленых с вкраплениями золота лиирит – по его спине пробежал холодок. – И о том, как уснуло море.